

Региональная власть и колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны: мобилизация, попечение, коррупция (по материалам Новосибирской области)¹

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области рассматривается специфика взаимодействия местной власти и колхозов во время войны. Основное противоречие, с которым сталкивались региональные и районные руководители, заключалось в том, что политика тотальной мобилизации ресурсов, проводимая под диктовку центральных органов власти, дестабилизировала социально-экономическую обстановку на территориях, вверенных им в управление. В этой связи столь же противоречивыми становились действия самой местной власти, которая вынуждена была изыскивать способы хотя бы частично компенсировать урон, наносимый собственными же усилиями по изъятию сельхозпродукции из колхозов. Дополнительную грань проблеме придавали коррупционные мотивы, весьма часто сопутствовавшие взаимоотношениям представителей власти и колхозов. Само же колхозное крестьянство в большинстве случаев отвечало на очевидно завышенные требования со стороны государства бездействием, что, в свою очередь, заставляло местную власть проявлять дополнительные усилия по принуждению сельхозпроизводителей к их исполнению. Сложность аграрной повестки отвлекала значительную долю внимания партийных и советских органов управления. Однако активности власти и ее порученцев все равно не хватало для того, чтобы удерживать колхозное производство под постоянным надзором.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, Великая Отечественная война, колхозы, мобилизация, попечение, коррупция

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-67-84

Нет оснований сомневаться в том, что начало Великой Отечественной войны оказало дестабилизирующее воздействие на взаимоотношения власти и колхозного крестьянства. На обескровленную в ходе воинских мобилизаций деревню легла тяжелая обязанность почти безвозмездного обеспечения продовольственной продукцией воюющей страны с многомиллионной армией. При этом пределы

---

1. Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX — начала XXI в.» (FWZM-2021-0003).

посягательства государства на крестьянский труд и его результаты не были ограничены. Тем важнее становится изучение непосредственной коммуникации власти, претендующей на тотальную мобилизацию ресурсов, и крестьянства, вынужденного так или иначе сопротивляться государственному принуждению ради собственного самосохранения и выживания. В этой связи особенный интерес представляет то, как государственная аграрная политика военных лет имплементировалась на локальном уровне.

Данная статья, написанная на материалах Новосибирской области, продолжает наметившийся в историографии вектор региональных исследований функционирования аграрной экономики в условиях Великой Отечественной войны (Андреенков, Ильиных, 2020; Мотревич, 2021; Сухова, Ягов, 2022). Статья фокусируется на политике в отношении колхозного крестьянства партийных и советских органов, отвечавших на областном и районном уровнях и за общее состояние сельского хозяйства, и за выполнение директив центрального правительства.

В данном исследовании мы рассматриваем власть в качестве средства коммуникации как внутри разветвленного и многоуровневого партийно-государственного аппарата, так и в его связи с сельхозпроизводителями. Социальная коммуникация предполагает наличие целого комплекса возможностей, из которых как агент, так и контрагент может выбирать то или иное действие. Власть же, как коммуникативное средство, дает возможность тем, кто ею пользуется, оказывать влияние на выбор подчиненных перед лицом других альтернатив (Луман, 2001: 18). Однако носитель власти может и не реализовать свое намерение, если альтернатива для подчиненного окажется привлекательнее, даже несмотря на все возможные издержки.

Во взаимодействии с сельхозпроизводителями местная власть руководствовалась различными вполне конкретными намерениями, которые, не исключено, могли входить в противоречие друг с другом. В порядке обобщения выделим три основных мотива. Первый — мобилизация, под которой здесь понимаются действия по стимулированию производителей на выполнение поставленных государством задач. Второй мотив — попечение, забота об экономическом и социальном состоянии региона/района. Наконец, третий — коррупция — связан с реализацией частных, внедолжностных интересов лиц, наделенных властью.

Мобилизация

В историографии уже утвердилось мнение о том, что во время Великой Отечественной войны властные полномочия первых секретарей региональных комитетов партии усиливались при пропорционально нараставшем контроле за их деятельностью со стороны

ЦК ВКП(б) (Коновалов, 2021: 28). Состояние сельскохозяйственно-го производства было одним из главных критериев оценки результативности работы местных управленцев. Несмотря на персонализацию ответственности, ключевые решения, касавшиеся сельского хозяйства, принимались коллегиально на заседаниях бюро региональных комитетов партии. В Новосибирской области бюро обкома занималось всем комплексом аграрной политики, координируя действия множества инстанций, от облисполкома и земельного отдела до прокуратуры и НКВД. Аналогичная структура управления сложилась и в районах, где комитеты партии несли полную ответственность за общее состояние аграрного производства.

Решения обкома, которые нередко представляли собой разработанный комплекс мер во исполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), отличались высокой степенью детализации и тщательной регламентацией деятельности управленческих и хозяйственных структур. При всей доскональности изъясн централизованнх предписаний обкома заключался в практически полной слепоте к специфике районов и их обеспеченности ресурсами. Множественность и противоречивость решений лишали какой-либо возможности наладить систему проверки и контроля за их выполнением. Конвейер разработки точных и детально прописанных указаний работал на холостом ходу, наталкиваясь на отсутствие исполнения на местах. По данным областного уполномоченного Комитета партийного контроля (КПК) за 1943 год и первое полугодие 1944 года, обком издал 420 постановлений по сельскому хозяйству². Тем не менее, как указывалось в отчете, «факты свидетельствуют, что постановления обкома ВКП(б) выполняются очень медленно, далеко не полно, а нередко совсем не выполняются»³. Да и сам первый секретарь обкома М. В. Кулагин неоднократно сетовал на невнимательность к реализации распоряжений комитета партии: «Вследствие такого отсутствия контроля, здесь, на местах, будут думать, что обком партии выносит решения, а потом забывает о них; то есть мы сами воспитываем неуважение к решениям бюро обкома, что совершенно недопустимо»⁴.

Как ни странно, явный разрыв между принятием постановлений и их исполнением не приводил к кризису власти. Ш. Мерль, анализируя функции местного управления сельским хозяйством в 1930-е годы, приходит к выводу, что за фасадом многочисленных предписаний и планов, спускаемых «сверху», существовали неформальные правила, которым подчинялась реальная практика руководства колхозной деревней (Мерль, 2017: 64–65). Речь идет о том, что управленцы и производители на местах знали, какие решения

2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 85.

3. ГАО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 97.

4. ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 594. Л. 37.

вышестоящих органов требуют активного исполнения, а какие — допустимо отложить в «долгий ящик», выполнять формально или вообще не брать во внимание без существенных негативных последствий для себя.

Действительно, если проанализировать одну из форм контактов региональной и районной власти, а именно вызов первых секретарей райкомов и председателей райисполкомов на бюро обкома для обсуждения положения дел на местах, легко убедиться, что выносимые наказания (строгий выговор, лишение должности или инициирование уголовного преследования) чаще всего соотносились с провалами сева, уборки или заготовки зерновых культур. Причем главными критериями служили количественные показатели выполнения плановых заданий. Возведение в абсолют процентных величин позволяло районному руководству добиваться относительно приемлемых (в сравнении с другими районами) количественных результатов за счет ухудшения их качества и оставления без надзора целых сегментов комплекса сельскохозяйственных работ, внимание к которым притуплялось на фоне приоритетных задач.

Такое положение дел характеризует мобилизационный режим управления сельским хозяйством. Отчасти он соотносился со спецификой аграрного производства: в природно-климатических условиях Сибири сроки сева и уборки урожая были предельно сжатыми. Сельскохозяйственный сезон разбивался на ряд хозяйственно-политических кампаний, основными из которых были посевная, уборочная и заготовительная. Каждая из них имела свой собственный горизонт планирования, периоды наивысшего напряжения и спада, вследствие чего слабо соотносилась с другими. Это делало управление дискретным, придавало ему характер периодических интервенций в хозяйственные дела сельхозартелей, лишало его комплексности и непрерывности.

При проведении хозяйственно-политических кампаний обычные меры воздействия на сельхозпроизводителей дополнялись экстраординарными. Последние включали в себя массированную агитационно-пропагандистскую поддержку (освещение в СМИ, работа устных агитаторов, организация социалистического соревнования, фронтовых декадников), прямое административное вмешательство через направление специальных уполномоченных в районы и колхозы, а также проведение карательных мер по борьбе с «саботажем». Чтобы добиться нужного уровня активности колхозного крестьянства, обком и райкомы временно делегировали в деревню сотни политически мотивированных уполномоченных и агитаторов, набранных в основном из городских комсомольцев и коммунистов. Острая необходимость обращения к городскому партийному резерву для оказания давления на деревню была продиктована слабостью политического охвата сельской местности сетью первичных партийных ячеек, которая в связи с воинскими мобилизациями оказалась тем более прорежена. Попытка экстренно взрастить

новый партийный актив внутри колхозного крестьянства за счет деятельности воссозданных осенью 1941 года политотделов провалилась. Центральная власть, разочарованная результатами их работы, решила ликвидацию политотделов уже в мае 1943 года (Сухова, 2020: 818). В итоге к 1 января 1944 года на 3837 колхозов области имелось всего 66 парторганизаций⁵.

Специфика взаимодействия региональной, районной власти и колхозов заключалась в том, что неподкрепленные прямым надзором и организационным вмешательством призывы к колхозникам работать с максимальной самоотдачей в большинстве случаев наталкивались на бездействие со стороны последних. Невосприимчивость к агитации была связана, во-первых, с явно завышенными требованиями со стороны государства, а во-вторых, участие в колхозных работах не соответствовало экономическим интересам крестьянства. В официальных документах не раз проводилась связь между неполноценностью оплаты трудодня и снижением трудовой дисциплины. Так, по данным областного уполномоченного КПК в Искитимском районе, в 1942 году колхозники в среднем получали на трудодень 530 граммов хлеба и 82 копейки. Это приводило к тому, что в разгар сельскохозяйственных работ крестьяне бросали работу в колхозах и ехали в город «для реализации на рынке по спекулятивным ценам сельскохозяйственных продуктов от своего хозяйства, а также ягод, грибов, рыбы»⁶. Искитимский район был далеко не единственным, где доходы от артельных работ не покрывали минимальных потребностей населения. В 1943 году в 66% колхозов области на трудодень выдавалось меньше 500 граммов хлеба⁷. Обстоятельства требовали ужесточения надзора над колхозным крестьянством, о чем прямо говорил М. В. Кулагин на заседании бюро обкома во время уборочной кампании 1942 года: «Надо резко изменить отношение партийных организаций к вопросу участия колхозников и колхозниц на работе; надо покончить с этой слюнтявой линией уговаривания. Колхозники и колхозницы должны работать на своем участке не покладая рук»⁸.

В условиях экономического обесценивания артельного труда колхозы и колхозники составляли инертную, безынициативную, но при этом готовую к подчинению среду. Мерль в одной из своих статей пишет об «инфантилизации» сельхозпроизводителей в условиях советского аграрного строя, которые, перестав быть хозяевами собственного труда в артелях, средств и результатов производства, принимали пассивную роль. Приведение их в активность зависело от степени оказываемого властью принуждения (Мерль, 2019: 51). В этой связи трудно переоценить значимость усилий об-

5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 506.

6. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 6006.

7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 120.

8. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 637. Л. 176.

ластного комитета партии по временной инфильтрации в колхозную среду уполномоченных, которые должны были выступать порученцами власти и мобилизовать крестьянство на выполнение государственных заданий.

Охват сельской местности уполномоченными и агитаторами во время хозяйственно-политических кампаний был достаточно высок. Например, к началу весенней посевной кампании 1942 года обком постановлением от 14 апреля распорядился в двухдневный срок командировать в качестве уполномоченных в МТС, колхозы и совхозы работников райкомов, райисполкомов и земельных органов. Дополнительно в помощь им отправить из аппарата обкома, облисполкома и других областных организаций еще 250 человек⁹. 17 апреля для обеспечения массово-политической работы и широкого развертывания социалистического соревнования обком дал указание командировать в помощь политотделам МТС сроком на полтора месяца 1000 человек партийного и комсомольского актива из городов в качестве политруков тракторных бригад из расчета один политрук на две тракторные бригады¹⁰. Особое значение придавалось форме взаимодействия власти и колхозов. В соответствии с пятидневными заданиями, которые получали районы, до каждого колхоза и полевой бригады доводились ежедневные задания по посеву. В свою очередь, каждый колхозник, работавший на полевых работах, должен был получать ежедневные «боевые» задания по установленной форме.

В наиболее напряженные моменты аппарат обкома и облисполкома приостанавливал текущие дела и сам становился оперативной группой, выезжавшей в районы для непосредственного руководства сельхозработами. 19 мая 1942 года бюро обкома решило объявить «фронтovou декаду» завершения сева зерновых культур, провести радиосовещание с представителями районных властей, после которого секретари и заведующие отделами обкома должны были выехать на места для прямого участия в организации посевных работ¹¹. 12 июня, когда стало очевидным отставание хода кампании от плана (на указанную дату он был выполнен на 87%), работники аппарата обкома вновь разъехались по отстающим районам¹². Таким образом, текущая деятельность регионального комитета партии оказывалась временно парализована. На возникавшие в связи с этим недостатки указывал в своих донесениях в ЦК областной уполномоченный КПК: «Почти все работники аппарата, как правило, находятся уполномоченными обкома ВКП(б) в районах по 4–5 месяцев и своей работой не занимаются. От этого серьезно страдает дело. Обком ВКП(б), например, проходил мимо очень важных

9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 583. Л. 113.

10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 8.

11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 604. Л. 61.

12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 613. Л. 118.

вопросов: о положении рабочих на предприятиях, медобслуживании трудящихся, состоянии в детдомах, подготовке Томской железной дороги к зиме и т. д.»¹³.

Особенно высокой степени мобилизации требовали хлебозаготовки. Во время кампании 1944 года областной комитет партии, получив от ЦК телеграмму о неудовлетворительном ее ходе, 24 августа распорядился созвать и направить на хлебозаготовки в районы всех работников обкома, облисполкома и обкома ВЛКСМ, а также попросить командующего военным округом выделить из штаба для работы на хлебозаготовках 75 человек генералов и офицеров, направить в районы весь аппарат областного управления НКВД и НКГБ и дополнительно мобилизовать из городов 500 коммунистов¹⁴.

Бригады уполномоченных не столько должны были проверять ход выполнения колхозами централизованных указаний, сидя в райцентрах, сколько заниматься организацией работ и надзором за их выполнением, напрямую участвуя в артельных делах и фактически подменяя сельсоветы и правления колхозов. Наставляя уполномоченных, Кулагин указывал на то, что они должны находиться рядом с колхозниками на месте проведения работ. Во время косовицы хлеба — «около комбайнов, около молотилок, около жнеек, т. е. там, где работают колхозники и колхозницы»; во время хлебозаготовок — «там, где возможны случаи хищения зерна, спасать хлеб»¹⁵.

Фактически речь шла о том, что без их присутствия хлеб не будет собран, обмолочен и сдан государству. Уполномоченный обкома Протасов следующим образом докладывал о хлебозаготовках в Коченевском районе: «Так получается, что если сидит наш уполномоченный и находится сам на току, значит, он хлеб отправит, а если сам уполномоченный не стоит на току, тогда хлеб не отправляют»¹⁶. Недоверие, питаемое к колхозникам, заставляло предполагать, что любой удобный случай будет использован для расхищения урожая. Доходило до того, что во время весенней посевной кампании 1943 года обком рекомендовал для предотвращения кражи зерна перед вывозом в поле заранее протравливать семена или смешивать их с навозной жижей¹⁷.

Во время уборки, обмолота и хлебосдачи тем более требовалась высокая степень проникновения власти в дела колхозов. Во время хлебозаготовительной кампании 1943 года Кулагин ставил задачи следующим образом: «Сейчас наступает период решительного нажима на хлебозаготовки. Если мы в течение ноября хлеб не возь-

13. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 290.

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 781. Л. 74.

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 648. Л. 93.

16. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 723. Л. 114.

17. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 692. Л. 129.

мом в связи с тем, что у нас с обмолотом дела в основном могут не кончиться, то тогда хлеба вообще не возьмем, не получим. Значит, нужно добавить коммунистов и комсомольцев. Напрашивается такое предложение: в Новосибирске и Томске из всех хозяйственных учреждений и организаций <...> забрать способных коммунистов для хлебозаготовок вчистую. Кроме того, взять определенную часть коммунистов из заводских аппаратов. Прибавить их всех к этим бригадам и тогда получится на каждый район 30–40–50 человек. Во главе такой бригады поставить областного работника. По выезде в район расстановка по колхозам и заняться только обмолотом и заготовками»¹⁸.

Конечно, столь массивное давление власти на колхозы могло иметь исключительно непродолжительный характер, узкие задачи и ограничивалось сроками посевных, уборочных и заготовительных кампаний. Создавая напряжение на короткой временной дистанции и в рамках приоритетных задач, власть оказывалась неспособной удерживать в фокусе внимания многие другие аспекты сельскохозяйственного производства. В частности, состояние общественного животноводства самим сельскохозяйственным отделом обкома характеризовалось как «беспризорное» и явно страдало как от отсутствия надзора со стороны власти, так и от незаинтересованности колхозников в его развитии (Шарапов, 2022).

Состояние войны резко повысило требования государства к трудовой и налоговой дисциплине колхозов. Однако если понимать под дисциплиной готовность без прямого принуждения исполнять запросы со стороны власти, ее состояние явно не соответствовало желаемому. Снижение доходов колхозного крестьянства от артельных работ приводило к конфликту между государственными потребностями и частными экономическими интересами сельхозпроизводителей. Реализация последних наносила ущерб экономике колхозов, принимая форму захвата артельных земель под ЛПХ, незаконного присвоения колхозной продукции, отвлечения трудовой активности от артельных работ. Распространение нежелательного для государства экономического поведения крестьянства подкреплялось слабостью проникновения власти в среду сельских производителей. Это побуждало прибегать к поголовной мобилизации не только всего партийно-государственного аппарата, но и, шире, городского партийного и комсомольского актива, тем самым временно заполняя лакуны надзора власти за колхозным крестьянством. Грандиозные и все равно недостаточные усилия власти были направлены на то, чтобы минимизировать для колхозного крестьянства возможности пренебрегать их прямыми артельными обязанностями.

18. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 48–49.

Власть на местах вынуждена была считаться с ключевым противоречием мобилизационного режима управления: реализация государственных планов (прежде всего заготовительных заданий) наносила ущерб экономике региона/района, за общее состояние которой она же и несла ответственность. В случае неблагоприятного социально-экономического положения политический Центр, никогда не признавая своих ошибок, готов был в полном объеме списывать вину на региональных руководителей (Мерль, 2017: 56). Так, в июне 1941 года за допущенное критическое положение в Новосибирской области (из-за сверхнормированных хлебозаготовок и засухи возникла острая нехватка продовольствия, семян и фуража) был заменен практически весь руководящий состав региона, включая первого секретаря обкома, председателя облисполкома и заведующего облзо (Шарапов, 2021). Вниз по вертикали власти аналогичную ответственность несли районные партийные организации перед областными.

В годы войны Центр острее, чем когда-либо, противопоставлял интересы государства («негативным») стремлениям местных властей проявлять «излишнюю» заботу об опекаемых территориях. В декабре 1942 года секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, выступая в Новосибирске перед областными и районными управленцами, ругал «местнические» настроения, мешавшие региону выполнить хлебозаготовительный план: «Нельзя забывать о грани между своими особыми интересами мест и общими интересами государства, интересами народа в целом. Для большевика интересы государства должны быть выше, чем интересы отдельных колхозов, совхозов, районов, предприятий»¹⁹. Тем не менее никто не снимал с регионалов ответственность за обеспечение вверенных в управление территорий продовольствием, фуражом, семенным материалом и за отсутствие социальных волнений и голода. Это заставляло местную власть искать возможности хотя бы частично нивелировать деструктивные последствия государственной мобилизационной политики, ими же и проводимой.

Относительное преимущество обкома перед районными властями заключалось в том, что тот имел право обращения в центральные органы с ходатайствами. Эта возможность активно использовалась: в Центр направлялись просьбы о выделении семенных, продовольственных ссуд, списании задолженностей колхозов, снижении заготовительных планов и т. д. В случае необходимости Новосибирский обком шел и на нарушение правительственных предписаний. Прежде всего это касалось формирования «рыночных» фондов хлеба, направляемых для снабжения населения области.

19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 144–145.

С. В. Шарапов
Региональная
власть
и колхозное
крестьянство
в годы Великой
Отечественной
войны: мобилиза-
ция, попечение,
коррупция
(по материалам
Новосибирской
области)

Установленный Наркоматом заготовок порядок расходования зерна на продовольственные нужды был привязан к выполнению планов вывоза хлеба из глубинных пунктов «Заготзерно» (разрешалось расходовать фиксированную часть от вывезенного). Главным образом из-за нехватки транспорта отправка зерна систематически задерживалась. По данным областного уполномоченного КПК, обком ВКП(б) не единожды в нарушение указаний Наркомзага давал распоряжения «Заготзерну» предоставлять хлеб для продовольственного снабжения безотносительно выполнения плана вывоза²⁰.

Продовольственная защищенность, обеспеченность семенами и фуражом колхозов оставалась предметом озабоченности для райкомов и райисполкомов. При этом правительство запрещало местным властям вести расчет хлебофуражных балансов, которые позволяли определять возможности хозяйств по хлебосдаче с учетом количества зерна, которое необходимо оставить в колхозах. Такого рода проявления обеспокоенности остатком хлеба в районах маркировались как «местнический», «антигосударственный» подход к управлению. Заготовительные планы должны были выполняться независимо от продовольственных потребностей колхозного крестьянства. 6 декабря 1942 года правительство запретило собирать на местах данные о фактическом намолоте урожая в колхозах. Ориентироваться следовало исключительно на утвержденные ЦСУ оценки видовой урожайности, которые были явно завышенными²¹. Несмотря на все запреты, чинимые сбору информации и ее анализу, хлебофуражные балансы в районах все равно составлялись, что не раз становилось предметом острой критики со стороны областных властей.

В ноябре 1941 года во время обсуждения на заседании бюро обкома хлебозаготовок в Усть-Таркском районе председатель облисполкома И. Т. Гришин обвинил первого секретаря райкома и председателя райисполкома в «саботаже»: «У них был составлен баланс, что хлеба нет, урожай плохой и что с государством рассчитаться, безусловно, не сможем. Они подсчитали, что дотянем процентов до 50 и на этом закончим <...>. Люди, по существу, никакой уверенности в этой работе не имеют и сами ориентируют себя на невыполнение плана»²². 5 декабря 1942 года в постановлении обкома «О неудовлетворительном ходе хлебозаготовок в колхозах и совхозах области» отмечалось, что «некоторые секретари райкомов и начальники политотделов МТС скатились на антигосударственные позиции занижения урожая, пользуясь данными так называемого «фактического намолота» и составления всякого рода балансов,

20. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 71–73об.

21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 459. Л. 34.

в целях обмана государства и задержки хлебосдачи»²³. 4 декабря того же года, обсуждая на заседании бюро обкома хлебозаготовки в Кочковском районе, первый секретарь райкома Кузнецов обвинялся Гришиным в том, что «составлял свой баланс удовлетворения нужд района, но не выполнения государственных обязательств, соблюдая интересы узкоместнического порядка, создавая благополучие для себя как руководителя района за счет интересов государства <...>. Он хотел создать в районе запасы хлеба, а это можно расценивать как предательство для родины»²⁴.

В деле выполнения хлебозаготовительных планов районные власти расценивались областным руководством как не вполне надежные. Во время совещания областных уполномоченных по хлебозаготовкам 26 декабря 1942 года при общем консенсусном мнении, что главными инициаторами сокрытия и расхищения хлеба являлись председатели колхозов, роль районных руководителей также оценивалась негативно: «На данном этапе чувствуется, что некоторые районные работники проявляют стремление задержать хлебосдачу»²⁵; «Районное руководство сейчас рассуждает так, что семенами нужно уже заниматься, семена нужно изыскивать, семян в целом ряде колхозов не хватит в соответствии с семенной площадью и поэтому невольно складывается такое настроение»²⁶; «Некоторые районные руководители до сих пор проявляют колебания и вместо тревоги и чувства ответственности некоторые из них проявляют чувство неуверенности и паники»²⁷; «С одной стороны, они думают так, что хлеб государству надо сдавать, но с другой стороны, думают — нужно обеспечить семена, нужно обеспечить снабжение эвакуированному населению, инвалидам, корм скоту и т. д. И у многих работников стоят впереди и заслоняют общегосударственные интересы эти частные интересы»²⁸.

Противоречивость сложившегося в районах положения заключалась в том, что потребности колхозов, реализация которых шла вразрез с государственными интересами, не могли не учитываться районными руководителями. М. В. Кулагин на заседании бюро обкома 22 октября 1943 года разоблачал политические ошибки районных властей: «У нас есть некоторые секретари райкомов партии, которые говорят: для того, чтобы нас не ругали весной, чтобы мы были весной опять передовиками, мы не будем сейчас сдавать хлеб, у нас и фураж будет, и семена будут и взаимобразно хлеб можем взять, пусть нас сейчас ругают, зато весной мы будем передовы-

23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 3.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 13

25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 105об.

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 108.

27. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 110об.

28. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 655. Л. 115об.

ми. Есть у нас такие секретари райкомов партии, так называемые «передовики»²⁹.

Райкомы и райисполкомы на языке партийного официоза про- являли «беспечность», закрывая глаза на нарушения порядка за- сыпки семенных фондов, затягивание обмолота, переавансиро- вание колхозников на трудодни и другие формы сопротивления политике тотальной мобилизации ресурсов. По словам областно- го уполномоченного наркомата заготовок Блинова, руководители районов, встречаясь с практикой сокрытия зерна от хлебосдачи под видом семенного материала, «зажмуривают глаза и проходят мимо этого вопроса, не принимают мер к изъятию хлеба»³⁰. Те же самые мотивы толкали районные власти на нарушение предписа- ний вышестоящих органов. Например, в Зырянском районе в 1941 и 1942 годах полученные в порядке ссуды семена расходовались на оплату трудодней в колхозах. Причем соответствующие распо- ряжения давал председатель районного земельного отдела (рай- зо)³¹. В Михайловском районе председатель райисполкома Степа- нов с ведома первого секретаря райкома дал указания колхозам не сдавать государству картофель и горох, а оставлять их на вну- трирайонные нужды³².

Многочисленность фактов, когда вместо должной «тревоги» и «обеспокоенности» по поводу выполнения государственных за- даний районные руководители проявляли «беспечность» и «бла- годушие», формировала карательный уклон во взаимоотношениях областной и районной власти. Кулагин, однако, оправдывал жест- кость обкома в адрес районных управленцев: «Говорят, что те, кого вызывают на бюро обкома, сразу запасаются всем необходимым и выезжают из района обязательно на длительное время. Т. е. по- явилась тенденция принимать наказание не как заслуженную кару за совершенное преступление, а как <...> какую-то определен- ную закономерность, для примера другим <...> Наказывали мы? Да, наказывали. Основания были в обкоме? Да, были, по заслу- гам наказывали и будем наказывать и дальше, причем будем, мо- жет быть, более сурово наказывать, нежели сейчас. За что? За то, что не выполняешь решений партии, за то, что не выполняешь по- ручений, которые тебе в условиях войны даны. По заслугам и мера наказания»³³.

29. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 101об.

30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 721. Л. 104.

31. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 5–6.

32. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 271.

33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 586. Л. 121об.

Коррупция

Во взаимоотношениях власти и колхозов существовала и «теневая» сторона, связанная с установлением неформальных связей, которые в одних случаях были взаимовыгодны, а в других — оборачивались выгодой лишь для стороны, облеченной властью. Речь идет о том, что районные управленцы нередко рассматривали колхозы в качестве источника для личного снабжения. По данным прокуратуры Новосибирской области, из 53 человек руководящего состава районов, привлеченных к уголовной ответственности с 1941 по 1944 год, 21 человек был осужден, как указывалось в документе, за «корыстные» преступления³⁴. Это количество распределялось по годам неравномерно: выделяется 1943 год, в течение которого предстали перед судом сразу 13 человек. Сравнительно большое количество коррупционных дел в этом году предположительно связано с инициированной постановлением ЦК ВКП(б) от 20 октября кампанией против разбазаривания общественного имущества в колхозах³⁵. Борьба с низовой коррупцией районных властей, таким образом, носила кампанейский характер, а масштабы ее вряд ли ограничиваются предъявленными прокуратурой цифрами.

Круговая порука в среде районного начальства затрудняла раскрытие такого рода дел, а в некоторых случаях в коррупционную деятельность включались и работники районных отделов НКВД. Так, например, инструктор отдела кадров обкома Глухов вскрыл в 1943 году в Кыштовском районе целую систему хищений колхозной продукции. В ней были задействованы работники НКВД, которые, как указывалось в составленной Глуховым справке, «до того обнаглели, что перестали просить, а начали у председателей колхозов просто требовать хлеб и не платить за него деньги»³⁶.

Инициатива «кормиться» с колхозов исходила от райкома партии. Первый секретарь Мухин для «улучшения питания райпарт-актива» давал распоряжения заведующему райзо Зяблицеву брать необходимое количество хлеба в колхозах. Переработанное в муку зерно затем развозилось по «особому списку», в который включались все руководящие работники. Вслед за райкомом и другие районные организации стали использовать колхозы для снабжения своих служащих. По данным Глухова, незаконное снабжение организовали райземотдел, райпотребсоюз, райфинотдел и Сергиевская МТС. Только из шести проверенных Глуховым колхозов с 1 января по 10 июня 1943 года работниками района было взято для личных нужд 5480 кг муки, пшеницы и ржи³⁷.

34. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 297.

35. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 723. Л. 64–68об.

36. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 255об.

37. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 254–256об.

С. В. Шаранов

Региональная
власть
и колхозное
крестьянство
в годы Великой
Отечественной
войны: мобилиза-
ция, попечение,
коррупция
(по материалам
Новосибирской
области)

Кыштовский райком и райисполком брали в колхозах хлеб и другие продукты для организации питания участников всевозможных совещаний и собраний, проводимых в райцентре. На эти цели в апреле 1943 года по распоряжению секретаря райкома ВКП(б) Ломакина было израсходовано 136 кг пельменей, собранных для отправки в РККА. Из этих же посылок по распоряжению Ломакина было выдано 36 кг курицы местной больницы и 97 кг пельменей детским яслям³⁸.

В ряде случаев сами председатели колхозов становились инициаторами подкупа районных управленцев. На заседании бюро обкома обсуждалась фигура председателя колхоза «За Родину» Кувшинова, который характеризовался первым секретарем обкома Кулагиним как «ловкач» и «делец»: «Он по-купечески обрабатывал там всех городских, районных и других руководящих работников. Он затягивал их, опутывал различными подарками: к праздничку посылочку, свежие овощи нужны — к вашим услугам, мясо нужно — пожалуйста, выпить хочешь — с великим удовольствием и т. д., и на его удочку попали многие руководящие работники». Дело дошло до того, что райком предложил этому колхозу выделить участок и посадить своими силами картофель исключительно для снабжения работников комитета партии и райисполкома. С колхозом в результате рассчитались деньгами, которые были распределены на трудодни. Сам же председатель колхоза, по словам Кулагина, «этим самым создал себе условия, когда его никто не мог критиковать, когда его стали расценивать как значительного человека, забывая, что на самом деле это торгаш, ловкач и что его нельзя терпеть на посту председателя колхоза»³⁹.

Незаконно изымались в колхозах не только продукты земледелия, но и животноводства и пчеловодства. Так, по данным КПК, только из колхоза им. Сталина Болотнинского района в 1943 году на личные нужды председатель сельсовета забрал 121 кг муки, 15 кг мяса и 16 кг меда, управляющий отделением Госбанка — 15,5 кг меда, начальник районного управления НКВД — 6 кг мяса и 12,7 кг меда, секретарь райкома — 30 кг мяса и 5 кг меда, уполномоченный райкома — 10 кг меда, заведующий райзо — 8 кг зерна, 2,5 кг мяса и 4,1 кг меда и т. д.⁴⁰ Председатель колхоза Бондаренко, безотказно удовлетворяя требования районных работников, в свою очередь, не забывал и о себе. В январе 1943 года, продав мед колхоза на рынке на 8 тыс. рублей, Бондаренко деньги в кассу не сдал, а израсходовал их на свои нужды⁴¹.

В феврале 1944 года в Ирменском районе по указанию первого секретаря райкома Ф. В. Елисеева был создан фонд премирования передовиков сельского хозяйства. В фонд поступило 170 тыс. руб-

38. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 255об.

39. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 68с. Л. 157об.

40. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

41. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

лей за счет продажи сена на рынке Новосибирска и 70 тыс. рублей было собрано наличными с колхозов. Для укрытия от ревизий часть этой суммы была вложена в сберкассу на имя заведующего и главного бухгалтера райзо. Остальные деньги хранились «на руках». Как выяснилось, 83 тыс. рублей были «растрчены и расхищены», в том числе на приобретение «предметов роскоши» для районных управленцев. Лично Елисеев за счет этих средств приобрел ручные часы стоимостью 2250 руб.⁴² Региональные власти, рассматривая колхозное имущество в качестве источника снабжения, фактически потворствовали такому же отношению со стороны председателей артелей и самих колхозников. Помимо прямых хищений, колхозы иногда сдавали в аренду свои земли городским предприятиям и организациям в обмен на разного рода товары⁴³.

Заключение

Как показало исследование, проводимость централизованных решений в системе управления не была абсолютной. Управленцы областного и районного уровней при выборе своих действий могли руководствоваться не только мотивом выполнения распоряжений вышестоящих инстанций, но и потребностями вверенной им в управление территории или в конечном счете своими личными. Водораздел, разделявший государственные обязанности и частные интересы для колхозов, в политическом дискурсе военного времени был актуализирован и для управленческого звена. Однако к порицаемой сфере частного интереса стало относиться и то, что в нормальной ситуации должно было включаться в должностные обязанности региональных и районных властей — забота о социально-экономическом положении населения. Ее реализация зачастую уходила в «тень», принимая формы негласных и неформальных действий и соглашений.

Центральная же власть, пытаясь блокировать отклонения в действиях местных управленцев, требовала от них быть проводниками исключительно государственных интересов. Мобилизация труда колхозного крестьянства и его продуктов становилась основной задачей, над которой работал весь партийно-государственный аппарат региона. Высокая степень загруженности местных властей аграрной повесткой была связана с тем, что реализация мобилизационных задач наталкивалась на вполне осязаемое сопротивление «снизу». Пассивность колхозов должна была компенсироваться сверхактивностью управленческого звена, что создавало издержки для других направлений деятельности. Основным средством добиться должного напряжения в работе сельхозартелей являлось усиление надзор-

42. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 798. Л. 210б.

43. ГАНУ. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 45–50об.

ного присутствия в сельской местности порученцев власти. Создать его, однако, оказывалось возможным лишь на ограниченный отрезок времени и в рамках реализации узких приоритетных задач. Фактически использовались наиболее примитивные методы давления, граничащие с прямым физическим принуждением. Война оправдывала такой формат взаимоотношений власти и деревни, однако в долгосрочной перспективе сохранение планово-мобилизационного стиля управления лишало сельскохозяйственную отрасль возможностей идти по пути развития, который открывался через согласование интересов и содействие государства сельхозпроизводителям.

Библиография

- Андреев С. Н., Ильиных В. А. (2020). Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 4. С. 5–12.
- Коновалов А. Б. (2021). Аппарат ЦК ВКП(б) и региональное партийное руководство в годы Великой Отечественной войны: специфика мобилизационной системы взаимоотношений // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина. С. 15–28.
- Луман Н. (2001). Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис.
- Мерль Ш. (2017). Формы местного управления в советской деревне накануне Великой Отечественной войны: критерии эффективности и коммуникативные практики предотвращения крестьянских бунтов // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 53–76.
- Мерль Ш. (2019). Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 45–69.
- Мотревич В. П. (2021). Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт.
- Сухова О. А. (2020). Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 810–823.
- Сухова О. А., Ягов О. В. (2022). Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (61). С. 154–166.
- Шарапов С. В. (2021). Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 1. С. 81–88.
- Шарапов С. В. (2022). Животноводство Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. № 4 (24). С. 135–147.

Regional authorities and collective-farm peasantry during the Great Patriotic War: Mobilization, care, corruption (based on the data from the Novosibirsk Region)

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. On the example of the Novosibirsk Region, the author considers the features of the interaction of local authorities and collective farms during the war. The contradiction, which regional and district authorities faced, was that the total mobilization of resources by the central authorities threatened the local social-economic situation. Therefore, the decisions and actions of the local authorities became contradictory as they had to compensate for the damage caused by their efforts to seize agricultural products from collective farms. Moreover, there were corrupt motives as very common for the relations between the authorities and collective farms. In most cases, collective-farm peasants responded to the obviously excessive state demands by inaction, which forced the local authorities to show additional efforts in order to make agricultural producers fulfill the state requirements. The complexity of the agrarian agenda diverted the attention of the party and governing bodies. However, the state activities were still insufficient to keep the collective farm production under constant control.

Key words: agrarian policy of the Soviet state, Great Patriotic War, collective farms, mobilization, trusteeship, corruption

References

- Andreenkov S. N., Il'inykh V. A. (2020) Selskoe khozyaystvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaya struktura [Agriculture in Siberia in 1941–1945: Dynamics and organization-production structure]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no 4, pp. 5–12.
- Konovalov A. B. (2021) Apparat TsK VKP(b) i regionalnoe partiynoe rukovodstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: spetsifika mobilizatsionnoy sistemy vzaimootnosheniya [Apparatus of the Central Committee of the CPSU(b) and regional party leadership during the Great Patriotic War: Features of the mobilization system of relations]. *Puti k Pobede. Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentsky tsentr B. N. Eltsina, pp. 15–28.
- Luhmann N. (2001) *Vlast* [Power], Moscow: Praksis.
- Merl S. (2017) Formy mestnogo upravleniya v sovetskoj derevne nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: kriterii effektivnosti i kommunikativnye praktiki predotvrashcheniya krestyanskih buntov [The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 53–76.
- Merl S. (2019) Pereotsenka rezultatov sovetskoj selskokhozyaystvennoy politiki v svete segodnyashnih uspekhov [Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Motrevich V. P. (2021) *Vklad v Pobedu: selskoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War], Ekaterinburg: Alfa Print.
- Sukhova O. A. (2020) Kolkhozy v praktike gosudarstvenno-politicheskogo upravleniya v SSSR na nachalnom etape Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [Collective farms in the state-political management of the USSR at the initial stage of the Great Patriotic War, 1941–1945]. *Vestnik arkhivista*, no 3, pp. 810–823.
- Sukhova O. A., Yagov O. V. (2022) Problemy agrarnogo razvitiya Penzenskoj oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Issues of the agrarian development in the Penza Region during the Great Patriotic War]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhsky region. Gumanitarnye nauki*, no 1, pp. 154–166.

- Sharapov S. V. (2021) Selskoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: ekonomichesky i sotsialno-politichesky aspekty [Agriculture of the Novosibirsk and Altai Region on the eve of the Great Patriotic War: Economic and social-political aspects]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 28, no 1, pp. 81–88.
- Sharapov S. V. (2022) Zhivotnovodstvo Novosibirskoy oblasti v kontekste agrarnoy politiki gosudarstva nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Animal husbandry of the Novosibirsk Region under the state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War]. *Istorichesky kurier*, no 4, pp. 135–147.